

от друга. Характерно, что множество состояний в логико-философских построениях трактуется как множество мощности континуума, в то время как потоку событий приписывается не континуальный, а скачкообразный характер; в нем возможно выделение отдельных звеньев [31, с. 307, 308] (ср. также [34]). «„Отдельность“ событий имеет и психологическую реальность. Психологически событие часто обладает достаточно отчетливыми, чувственно воспринимаемыми временными границами» [35].

Таким образом, возможность исчисления событий является онтологически и психологически мотивированной. Тем не менее эта возможность реализуется далеко не во всех случаях номинации событий. Последние могут лингвистически тяготеть как к безусловно отдельным объектам, так и к объектам, лишенным отдельности вообще. (Т. В. Булыгина, например, обратила внимание на трудности различения, в том числе и «семантического», некоторых типов событий и состояний [36]).

То, какое событие в языковом представлении оказывается отдельным, видимо, определяется в языке без жестких правил. Однотипные действия могут быть как исчисляемыми, так и неисчисляемыми, ср.: *убийство* (убийства), но *уничтожение*; *война* (войны), но *борьба*; *крик* (крики), но *стук*; *падение* (падения), но *взлет*, *подъем*; *молния* (молнии), но *гром* (исключение — фразеологизм *метать громы и молнии*). Кроме того, даже в группе имен, обозначающих исчисляемые события, часто существуют ограничения на сочетаемость с языковыми единицами, предполагающими наличие у существительного значения дискретности.

Так, некоторые двучисловые имена событий, подобно абстрактным именам, не допускают исчисления своих референтов по числу субъектов или объектов действия: невозможно, например, сочетания **убийства (смерти) этих людей*. В данных случаях, однако, допустимо прямое исчисление: *Совершено два убийства. В этой семье было несколько смертей*. Многие существительные, обозначающие события, обычно не подвергаются точному исчислению (особенно если эти события не очень значительны с точки зрения говорящего). Более приемлемыми для носителей языка скорее всего будут не предложения *У него было три выступления на собраниях, Он сделал два прыжка на месте, Он получил один удар, а Он три раза выступал на собраниях, Он два раза подпрыгнул* (ср. допустимость *Он сделал два прыжка с трамплина, Его ударили один раз* (в некоторых конструкциях приемлемо и *один удар: Ему нанесли один удар*, действие при этом, вероятно, должно рассматриваться как достаточно значимое). Некоторые имена, не обозначая даже неопределенных по числу множеств (? *Его приезды радовали всех*), все же допускают выделение единичного события из множества сходных с ним: *В один из своих приездов (во второй приезд) он привез сыну подарок*.

Отдельные события часто обозначаются не всеми значениями многозначного отглагольного имени. Так, слово *прием* имеет множественное число в значениях 'собрание', 'приглашенных лиц' (*В этом месяце в посольстве было два приема*), 'движение, упражнение' (*ружейные приемы*). Невозможно, однако: **В комиссии идут приемы заявлений, *Им везде оказывали хорошие приемы*. Слово *сбор* является общим в значении 'собрание членов какой-либо организации' (*В отрядах прошли пионерские сборы*), ср. невозможность: **сборы меда, *сборы колонн*.

Довольно большие возможности в гносеологическом выборе между прерывностью и непрерывностью предоставляются и вещественным именами. Обозначаемые ими объекты материальны, могут быть осознаны в их реальной отдельности, но не имеют четких, необходимых границ. Языковым проявлением такого положения дел является, например, тот факт, что в ряде языков мира вещественные имена обладают способностью к свободному исчислению.

Самым нестабильным звеном вещественных существительных, наиболее подверженным влиянию категории общих имен, являются названия